

«Цифровизация» *res controversa*: аспекты и риски парадигмы XXI в.

Человек – не только субъект, но и объект любых изменений: по утверждению известного канадского исследователя М. Маклюэна, «средство коммуникации есть сообщение» [1, р. 7]. Иначе говоря, сама природа технологического инструментария, нежели конкретный смысл, вкладываемый в него в определенный момент времени, в долгосрочной перспективе трансформирует наше мировосприятие, ввиду чего, с нашей точки зрения, процессы «цифровизации» нашей жизни будут иметь далеко идущие последствия, которые затронут все ее аспекты без исключения.

Однако что же такое цифровизация? Единого определения этого понятия не существует; перефразируя подход И. Манора, цифровизацию возможно концептуализировать в качестве долгосрочного процесса, в котором цифровые технологии оказывают влияние на нормы, ценности, рабочие практики и структуры каких-либо институтов, равно как и нарративы или метафоры, используемые людьми для осмысления какой-либо деятельности [2, р. 15]. В область цифровых технологий входят все виды электронного оборудования (средства сбора, хранения, анализа и обмена информацией в цифровой форме) и приложений, использующих информацию в виде цифрового кода [3, с. 106]. К числу основных направлений цифровизации относятся автоматизация бизнес-процессов с минимизацией участия человека, Интернет вещей, дополненная и виртуальная реальности, 3D-моделирование и 3D-печать, технологии машинного обучения и искусственного интеллекта, робототехника [Там же, с. 104–105].

Правительства, бизнес-структуры, общественные организации и отдельные лица все чаще переходят на использование в своей деятельности цифровых технологий. Среди их основных преимуществ выделяют ускорение экономического роста, рост числа рабочих мест, повышение каче-

ства услуг, повышение эффективности государственного сектора, диверсификацию и снижение риска пристрастного освещения событий в СМИ [Там же, с. 107] и т. д. В последней редакции стратегии национальной кибербезопасности США подчеркивается, что основы экономики все сильнее укореняются в цифровых технологиях, а киберпространство является неким системообразующим принципом, который не рассматривается отдельным направлением политики, не связанным с другими элементами национальной мощи [4, с. 14–20]. Стремительно возрастает интерес к процессам цифровизации и в России, в первую очередь с экономической точки зрения [3, с. 106–107].

Содействие процессам цифровизации во всех сферах в настоящее время – один из наивысших приоритетов в мире. Независимо от затрагиваемого сектора, во главу угла ставится аргумент о том, что цифровизация – это вызов будущего, вследствие чего преобладает страх безнадёжного отставания от конкурентов [5, р. 2]. Однако и цифровизация, и технологический прогресс в целом должны рассматриваться в первую очередь как средство, а не как цель. Мы уже не можем представить себе культуру или общество без гаджетов или программного обеспечения, поскольку они давно являются неотъемлемой частью нас самих, нашей социальной жизни и связей. Высокие темпы цифровизации напрямую влияют на проникновение одних социальных институтов в пространство других [2, р. 38]. За индивидуализированными трудноуловимыми «информационными пузырями», формирующими наши каждодневные цифровые практики, стоят вполне конкретные алгоритмы, создаваемые людьми и перенимающие от этих же людей склонности и цели [Ibid, р. 47]. Стоит отметить, что, по данным *Global Digital Report 2018*, более 4 млрд людей используют Интернет в среднем шесть часов в сутки [5, р. 10]. Целеполагательна ли эта сетевая активность? В условиях, когда крупные технологические гиганты фактически превращаются в монопольные «фабрики смыслов» ввиду своей исключительной способности по сбору и обработке цифровых данных и последующему созданию и интерпретации знаний, человек расстается не только со своей конфиденциальностью, но и с чем-то большим – критическим подходом к растущему количеству нарративов, окружающему его миру, а в долгосрочной перспективе – и со способностью к его трансформации.

В этой связи обратимся к теории «технологической инерции» Т. Хьюза, согласно которой технологии, внедряясь в различные социальные системы, с течением времени становятся более самостоятельными и впоследствии больше не формируются под воздействием внешних сил, а становятся независимой силой, формирующей мир вокруг. Тем самым, увеличиваясь и развиваясь, технологии через своеобразный «эффект колеи» – технологическую инерцию – начинают формировать общество, а не быть формируемыми им [6, p. 112]. В конце концов, прежде всего все дело в людях, которые используют эти и любые другие технологии. Однако настанет тот момент, когда не мы будем определять цифровизацию, а она нас... Или он уже настал?

Библиографические ссылки

1. *McLuhan M.* Understanding media: the extensions of man. 1st MIT Press ed. MIT Press, 1994. 392 p.
2. *Manor I.* The Digitalization of Public Diplomacy. Washington, 2019. 396 p.
3. *Скляр М. А., Кудрявцева К. В.* Цифровизация: основные направления, преимущества и риски // Экономическое возрождение России. 2019. № 3 (61). С. 103–114.
4. National Cyber Strategy of the United States of America. Sept. 2018. P. 14–20 // The White House : [website]. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2018/09/National-Cyber-Strategy.pdf> (accessed: 30.09.2019).
5. *Zierer K.* Putting Learning Before Technology!: The Possibilities and Limits of Digitalization. Routledge, 2019. 120 p.
6. *Hughes T. P.* Technological momentum // Does technology drive history? The dilemma of Technological Determinism / eds. M. R. Smith, L. Marx. MIT Press, 1994. P. 101–113.